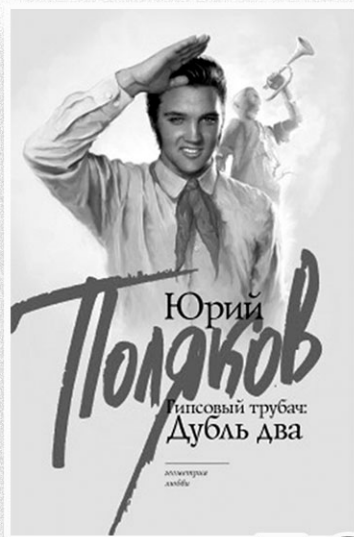

Мария ФОМИНА

г. Москва

РУССКИЙ БОККАЧЧО НАРОДИЛСЯ?

Юрий Поляков – автор, которого всё еще читающей публике представлять нет надобности. Прославившись в перестроечные годы повестями о позднесоветских реалиях армии и комсомола – «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба» – в девяностые годы он написал два романа, которые, возможно, наиболее масштабно отразили жизнь и эволюцию мироощущения среднего горожанина эпохи невеликих, но мучительных перемен. Это «Козлёнок в молоке» и «Замыслил я побег», в которых любовно-авантюжная сюжетность соединилась с настоящей панорамой бытия русского интеллигента позднего СССР и ранней РФ. Они представили новый «извод» современного русского реализма, в котором сильны иронизм и культурные ассоциации, обычно свойственные постмодернистским сочинениям, но без ёрничества и цинизма. Несмотря на всю свою насмешливость, повышенный эротизм и склонность рассматривать персонажей и их движения души в безжалостное увеличительное стекло, Юрий Поляков сохраняет верность классической русской традиции – сострадать «маленькому человеку». Он пишет без всякой назидательности, легко и технически виртуозно, не тыкает пальцем в пороки общества и человека, шутя порой так, что читатель беззвучно сотрясается от хохота. Но почему-то вскоре ему, этому читателю, становится грустно...

В 2012 году появилась третья, заключительная, часть его последнего по времени романа «Конеч фильма, или Гипсовый трубоч», который выходил отдельными выпусками – что довольно для нас необычно – с 2008 года. Сама обложка первой части романа – Мэрилин Монро в красном галстуке, отдающая пионерский салют – уже настраивала знатоков поляковского иронического «постреализма» на привычный лад (в последующих частях романа нам салютовали с обложек Элвис Пресли и зеленорожий Фантомас). Первая часть прочиталась на одном дыхании: это была происходящая в течение нескольких дней (просто как в «Братьях Карамазовых»!) история совместного написания сценария фильма писателем Кокотовым и знаменитым режиссером Жарыниным – на фоне фантазмагорической жизни дома ветеранов культуры Ипокренино (отсылка к булгаковскому МАССОЛИТУ и кафкианской жизни совписов в поляковском «Козлёнке»); причем сей приют пожилых литераторов, революционеров и чекистов еще и пытался обороняться от рейдерского захвата. Но главный нерв увлекательного сюжета (а Поляков умеет «рассказывать истории») – писатель живет в тревожном ожидании медицинского диагноза и в трепыхающейся надежде на любовь обольстительной вип-вампдамы на грани развода. Всё это повествование густо пересыпано, как это водится у По-

лякова, историями из жизни главных героев, а также множества проходных персонажей, и каждая из них – и смешная, и печальная – еще один камешек в причудливой мозаике нашей общей судьбины. По сути, это цепочка «новелл», нанизанных на твердый стержень детективно-любовного романа, герои которого – не гангстеры, нувориши и золушки, а многоликая «прослойка» творческой и нетворческой интеллигенции. Впрочем, там есть и гангстеры, и нувориши, и золушки...

Захватывающая любовно-приключенческая фабула и диалоги, острые, как трость-кинжал режиссера Жарынина (ей еще предстоит «выстрелить» в конце романа чеховским ружьем), – главная «фишка» поляковского стиля. В этом романе сюда добавилась ещё и свойственная Полякову остроумная афористичность высказываний – только вложены авторские мысли в давно немые уста нобелевского лауреата Сен-Жон Перса. Его без устали «цитирует» фонтанирующий энергией и наблюдениями над жизнью Жарынин:

«Космополитизм начинается там, где деньги, а патриотизм заканчивается (курсив мой. – М.Ф.) там, где деньги.

Некоторым хорошая память заменяет ум.

Юристы – это люди, которые с помощью закона попирают справедливость.

Новое – это всего лишь свежая банальность» – и далее, не иссякая.

А кого только не найдёшь в паноптикуме вип-богательни в чудом уцелевшем дворянском доме! Там обитают старая чекистка, любившая во время допросов защемлять в дверях мужские гениталии; любимый фельетонист Сталина Иван Болт – в миру Ян Казимирович Болтынский, который в свои почти сто лет по-фаустовски жизнелюбив и весь роман рассказывает историю невероятно витальных сородичей, карикатурно отражающую жизнь страны; лучший Отелло соцреализма Позёмкин; знаменитый коммерческий директор всех джазовых банд Савелий Ящик; литератор с раздвоенной национальной ориентацией Жуков-Хаит и прочие наследники немеркнувших традиций НКВД и Союза писателей.

(Внимание, дальше – спойлер! Тем, кто не хочет узнать, что «убийца – дворник», просьба не читать выделенное курсивом.)

Юрий Поляков – мастер рушить им же самим сооруженные хрупкие карточные домики надежд, амбиций и вожделений. Составлявшая предмет желаний «писодея» Кокотова Наталья Павловна Лапузина, обитающая на «рублевско-успенской» вилле, оказывается, несмотря на истовую молитву в храме для «солидных господ», прожженной эгоисткой. Кокотов, узнав о роковом диагнозе, отвергает искус-

тельницу с титановой шейкой бедра. А гениальный режиссер Жарынин – не жертвой застоя, а «кипучим бездельником» и полубезумцем, который, впрочем, совершает подвиг во спасение Ипокрена от захватчика Ибрагимбыкова – но, увы, подвиг совершенно бессмысленный и беспощадный. Ибо Ибрагимбыков, в свою очередь, не этнобандит, а провинциальный актер, согласившийся сыграть свою последнюю роль по наущению настоящего злодея. Этим «главгадом» оказывается правнук Болтынского юрист Кеша, который всю дорогу «притворялся порядочным человеком», а на самом деле цинично нацелился на чудодейственные ипокренинские минеральные источники.

Инфернальнице Лапузиной противостоит женщина-друг Нина Валюшкина, преданная и искренняя русская душа. Она, как это и водится в русской литературе и в самой матушке-России, спасает главного героя Кокотова, отвозя его за свой счет лечиться от рака в Германию.

Вообще, женщина у Полякова весьма часто – сильный пол, способный на глубокую до самопожертвования любовь. Главный же мужской персонаж – честный, искренний, в меру талантливый – но «не орёл». Способность к поступку ироничный автор отдает другому герою – пассионарному и неистовому харизматику, пылкому любовнику и чудесному рассказчику с говорящей фамилией. (Некоторыми деталями напоминающего знаменитого режиссера с тоже весьма «говорящей» фамилией.) С ним же делится сочинитель романа и своими умо-заклечениями – веселыми и выстрадавшими, переклюкаясь с авторских безжалостно точных наблюдений над жизнью на «мудрые мысли»: «...власть в России существует только для того, чтобы не пустовал Кремль. Кинжал надежнее!»; «...со временем пришел Горбачев, болтавший так много, быстро и бестолково, что никакой общественно-политический строй не выдержит»; «Всех нынешних критиков интересует не то, что писатель написал, а то, что он прочитал»; «Настоящий писатель обязательно должен сочинить что-нибудь про собак, про детей и про выдавленного раба».

Юрий Поляков, в отличие от другого знаменитого режиссера, старающегося создать русский аналог Голливуда, сумел приспособить свой честный реализм к эпохе постмодерна. Видимо, это тот случай, когда художественный дар, достигнув своего «апофигея» в романах 1990-х, сумел сохранить набранную высоту, не скатиться на круги «неба падших» талантов.

Напротив, мысли дозрели, а стиль отстоялся.

В России надо жить долго. Особенно – прозаики.

